

224 ПОРТРЕТ ПОЭТА

Валентина КОРОСТЕЛЕВА

г. Балашиха,

Московская область

**ДАЛЬНИЙ
ГАРНИЗОН**

СЕМЕН ГУДЗЕНКО

Подвиг

СЕМЕН ГУДЗЕНКО

**ЗАВЕЩАНИЕ
МУЖЕСТВА**

«Я был пехотой в поле чистом...»

*Из боя выходила рота.
Мы шли под крыши,
в тишину,
в сраженьях право заработав
на сутки позабыть войну.*

*Но у обломков самолета
остановился первый взвод.
И замерла в песках пехота
у красных
обоженных звезд.*

*...Осколки голубого сплава
валялись на сухом песке.
Здесь все:*

*и боевая слава,
и струйка крови на виске,
и кутерьма атак и тыла,
ревущая, как «ястребок».
Нам отдых сделался постылым
и уютным городок.*

(«Отдых»)

С такой документальной достоверностью и пронзительностью мог написать только человек, который сам всё это видел, чувствовал и пережил.

Двадцатилетний студент, едва подступивший к литературе и начавший открывать большую поэзию и себя в ней, вместо аудитории в столичном институте оказался на фронте, в самом его пекле... Успевая накидать несколько строк в своём дневнике, который он привык писать ещё до войны, Семён Гудзенко не мог вдруг поразить читателя поэтическим мастерством, но зато мог рассказать о том, чему свидетелем был сам. Так что учиться поэзии пришлось прямо здесь, на войне.

*Я был пехотой в поле чистом,
в грязи окопной и в огне.
Я стал армейским журналистом
в последний год на той войне.*

*Но если снова воевать...
Таков уже закон:
пускай меня пошлют опять
в стрелковый батальон.*

*Быть под началом у старшин
хотя бы треть пути,
потом могу я с тех вершин
в поэзию сойти.*

Вот такую судьбу продиктовал себе Семён Гудзенко в первые же недели войны, когда шёл добровольцем в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения НКВД СССР.

Отбор был суровый: для столь военной работы были необходимы и прекрасные физические данные, и крепкая психика, и знание языков, и быстрота ума. По сути, это были первые подразделения спецназа, состоявшие из добровольцев, уже скреплённых дружбой. Предстояло всё уметь и быть ко всему готовыми: подрывать мосты, переходить передовые линии, находить немецкие штабы и самим выносить «приговор».

В каком-то смысле это был цвет нации.

К примеру, кто видел фотографии тех лет Семёна Гудзенко, не мог не восхититься его стройной фигурой и лицом родовитого аристократа, которому впору было учиться на дипломата, а не рыть окопы под Москвой в самом начале войны. Но эту дорогу он выбрал сам и никогда не жалел об этом.

*...Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б
не жалели.*

*Кто в атаку ходил, кто делился последним куском,
Тот поймет эту правду – она к нам в окопы и щели
приходила поспорить ворчливым,
охрипшим баском...*

И ещё несколько важнейших штрихов биографии поэта: 6 ноября Гудзенко принимал присягу во дворе Литинститута, а 7-го уже шёл по Красной площади, участвуя в том самом параде, с которого уходили на фронт будущие герои войны.

Пришло время и спецназу включиться в боевые действия на Западном направлении.

*...Но было мне не суждено
погибнуть в переделке этой.*

*Твердя проклятие одно,
Приполз я на КП
к рассвету.*

*В землянке
рассказали мне,
что по моей лыжне ушел он.
Так это он
всю ночь
в огне
глушил их исступленно толлом!*

*Так это он
из-за бугра
бил наповал из автомата!*

*Так это он
из всех наград
избрал одну –
любовь солдата!*

*Он не вернулся.
Мне в живых
считаться,
числиться по спискам.
Но с кем я буду на двоих
делить судьбу
с армейским риском?
Не зря мы дружбу берегли,
как пехотинцы берегут
метр
окровавленной земли,
когда его в боях берут.*

(«Баллада о дружбе»)

А сейчас вернемся чуть назад, посмотрим, что вело будущего поэта к своим высотам – как в творчестве, так и в судьбе.

В детстве Семён, которого интеллигентные родители нарекли непонятым для многих итальянским именем Сарิโอ, был очень тихим, воспитанным мальчиком. И любил литературу, поскольку рано начал пробовать себя в поэзии, а чуть позднее и вести свои дневники. Посещал литературный кружок, иногда спорил с руководителем, отстаивая свою точку зрения на того или иного поэта. И наизусть читал Киплингa, Анненского, Вийона... А собственные стихи писал уже чуть ли не с детства. И когда пришла пора публиковать свою поэзию, он попросил разрешения у мамы на писательское имя Семён Гудзенко. Это был уже 1943 год. Сарิโอ считал, что так его имя будет понятнее звучать для читателя. Тогда он написал матери: «...не пугайся, если встретишь стихи за подписью «Семён Гудзенко», это я, так как Сарิโอ не очень звучит в связи с Гудзенко. Надеюсь, ты не очень обидишься...» Тогда, в 1943-м, его стих дружно опубликовали две газеты: «Смена» и «Знамя».

Интересно, что первое стихотворение еще пятнадцатилетнего Гудзенко, опубликованное в журнале «Молодая гвардия», было посвящено... Александру Пушкину, за что в качестве награды Сарิโอ получил путёвку в «Артек».

Но вернёмся к поэзии военных лет.

*...Начинается все по порядку:
на скобленном полу, топоча,
то бочком,
то волчком,
то вприсядку
ходят с присвистом два усача.*

*Дробный гул от подковок железных
как в слесарных стоит мастерских.
Жаль, в Москве у танцоров известных
не услышишь подковок таких.*

*...А в дверях,
чтобы рьяный дневальный
раньше срока солдат не прервал,
встал тихонько,
как зритель случайный,
моложавый седой генерал.
(«Каждый танец на «бис» раза по три...»)*

Перед войной Семён, оставив свой любимый Киев, отправился, как сейчас говорят, «покорять Москву». Тогда это означало «учиться, учиться и ещё раз учиться». Как и поэт-фронтвик Николай Майоров, он поступает в один из лучших институтов того времени, МИФЛИ – Московский институт философии, литературы и истории имени Чернышевского. Счастливый студент с головой окунается в русскую, и не только, классику, он уже ничуть не сомневается в своём поэтическом будущем, но... приходит лето сорок первого.

Я уже говорила, что Семён имел хорошую привычку вести дневник и не бросил её с началом войны. И тем самым оказал безмерную помощь историкам и писателям, и простым людям – в том, чтобы они знали всё-таки и «сермяжную» правду войны. Поэтому свой рассказ я буду дополнять отрывками из его дневников:

«Декабрь 1941. Снег, снег, леса и бездорожье. Горят деревни. Одоево. Зашли с Паперником в дом. Жена арестованного. Ему немцы «повязку» надели, и он работал в управе. Это чтоб с голода не умереть... Сволочь. Городской голова – адвокат, сбежал с немцами. Был бой под Кишеевкой. Лазарь бил из снайперской. Здорово! Метко. Ворвались в деревню. Потом отошли. Когда подползали – деревня кашляла. Гансам не по легким наши морозы. Простужаются, гады. Подпускают идущих по пояс в снегу на 50-60 м. Зажигают крайние дома. Видно как днём. И бьют из пулеметов, минометов и автоматов. Так они бьют везде.

...Идем в Рядлово. Я выбиваюсь из сил. Лыжи доконали. Отдыхаю.

2-го утром в Поляне. Иду в школу. Лежат трупы Красобаева и Смирнова. Не узнать. Пули свистят, мины рвутся. Гады простреливают пять километров пути к школе. Пробежали... Пули рвутся в школе. Бьёт наш «Максим». Стреляю по большаку. Немцы уходят на Маклаки. Пули свистят рядом».

Тут уже не до деталей, нет времени. Только главные слова, как в телеграмме, посланной в XXI век нам.

*...Сейчас настанет мой черед,
За мной одним
идет охота.
Будь проклят
сорок первый год –
ты, вмерзшая в снега пехота.
Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины.
Разрыв –
и лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо.
Но мы уже
не в силах ждать.
И нас ведет через траншеи
окоченевшая вражда,
штыком дырявящая шею.
Бой был короткий.
А потом
глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из-под ногтей
я кровь чужую.
(«Перед атакой»)*

И вот в начале февраля 42-го Семён Гудзенко получил тяжелейшее ранение в живот. Друзья назвали его «пушкинским», памятуя о призвании боевого друга и ранении на дуэли великого поэта. Несколько месяцев он лечился, не забывая, однако, о стихах и дневнике. И потому, когда он, как негодный к строевой службе, тесно сошёлся с журналистикой в газете «Победа за нами», его дневник был основательно дополнен фронтовым материалом.

А первый творческий вечер прошёл через год после ранения, где талантливого поэта от души поддержала Маргарита Алигер (автор поэмы «Зоя»).

*Мы не от старости умрем, –
от старых ран умрем.
Так разливай по кружкам ром,
трофейный рыжий ром!*

*В нем горечь, хмель и аромат
заморской стороны.
Его принес сюда солдат,
вернувшийся с войны.*

*Он видел столько городов!
Старинных городов!
Он рассказать о них готов.
И даже спеть готов.*

*Так почему же он молчит?..
Четвертый час молчит.
То пальцем по столу стучит,
то сапогом стучит.*

*А у него желанье есть.
Оно понятно вам?
Он хочет знать, что было здесь,
когда мы были там...*

В качестве журналиста Семён Гудзенко исколесил всю страну, в том числе позже работая в газете «Суворовский натиск». И продолжал писать стихи, которые невозможно было оторвать от войны.

День Победы, будучи уже известным поэтом, автором нескольких сборников, он встретил в Будапеште.

«15 января 1945, под Будапештом. Голодные мадьяры тянут мешками фисташки, тонут в папке. Солдаты, наши славяне, умываются одеколоном и поят коней пивом, потому что нет воды. Люди всего боятся – сидят в бункерах и с опаской ходят по улицам. Но это только вначале, а потом видят, что мы зря не стреляем, и начинают сновать и вынюхивать, где что можно унести. Квартиры грабят друг у друга... Пленные – их тысячи. Они в домах. Их сортируют и допрашивают. Они почти все переделались в штатское, и поэтому с ними неприятно говорить. – Мы не солдаты... – А по выправке, по лицу, по рукам – солдаты...

19 февраля 1945. Взят Будапешт... Хочется всем домой, пусть в нетопленную комнату, пусть без всяких ванн комнат, но в Москву, Киев, Ленинград. Это тоска по Родине».

Конечно же, столько пережить и остаться во всех смыслах в строю помогала любовь. Таких

стихов, стихов о любви, не так много у Гудзенко, и это понятно, когда человеку был отпущен всего 31 год жизни, но зато это стихи, где в каждой строке – Судьба.

*...Пусть кажешься со стороны ты
скупой на ласки, слезы, смех, –
любовь от глаз чужих укрыта,
и нежность тоже не для всех.*

*Но ты меня такую верой
в печальный одарила час,
что стал я мерить новой мерой
любовь и каждого из нас.*

*Ты облегчила мои муки,
всё вынести мне помогла.
Приблизила конец разлуки,
испепеляющей дотла.*

*Благословляю чистый, чудный,
душа, твой отблеск заревой,
мы чище стали в жизни трудной,
сильнее – в жизни горевой.*

*И все, что прожито с тобою,
все, что пришлось нам пережить,
не так-то просто гробовую
доской, родная, задушить.*

(«Как без вести пропавших ждут...»)

Слава богу, в личной жизни у поэта сложилось всё хорошо. Лариса Жадова, искусствовед по профессии, была рядом до последних его дней.

Война так и не отпустила мужественного, красивого, верного любви своей поэта, и последствия тяжёлого ранения всё-таки настигли его в расцвете таланта... Это произошло 12 февраля 1953 года.

Ратный и творческий труд Семёна Гудзенко был отмечен орденом Отечественной войны II степени. А друзья-писатели в своих воспоминаниях отмечали, как стойко переносил он страдания в коварнейшей болезни, и сравнивали с Николаем Островским, а ещё удивлялись, как даже в такой ситуации он оставался по-прежнему романтиком и неизменно доброжелательным человеком.

Вот таких людей и поэтов мы теряли в те годы... Его могила на Ваганьковском кладбище.

*...Пусть живые запомнят, и пусть поколения знают
эту взятую с боем суровую правду солдат.
И твои костыли, и смертельная рана сквозная,
и могилы над Волгой, где тысячи юных лежат, –*

*это наша судьба, это с ней мы ругались и пели,
подымались в атаку и рвали над Бугом мосты.
...Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели,
мы пред нашей Россией и в трудное время чисты.*

*...А когда мы вернемся, – а мы возвратимся с победой,
все, как черти, упрямы, как люди, живучи и злы, –
пусть нам пива наварят и мяса нажарят к обеду,
чтоб на ножках дубовых повсюду ломились столы.*

*Мы поклонимся в ноги родным исстрадавшимся людям,
матерей расцелуем и подруг, что дождались, любя.
Вот когда мы вернемся и победу штыками добудем –
все долюбим, ровесник, и работу найдем для себя.*

Правду жизни, правду войны, что не всегда были в логичном сочетании в нашей литературе, фронтовая поэзия донесла до нас ценой жизни или как минимум драматических судеб поэтов тех незабываемых лет. И то, что сейчас на Западе, а подчас и у нас участились попытки притушевать или откровенно свести на нет многое

святое в истории России, в том числе подвиг поэтов-фронтовиков, – это не просто грех перед Богом, но отчасти и преступление перед Матерью-Родиной.

Валентина КОРОСТЕЛЁВА

родилась в г. Кирове.

Окончила Литературный институт им. А.М. Горького.

Стихи публиковались

*во многих «толстых» и «тонких» журналах,
звучали на радио.*

Автор 11 поэтических книг.

Лауреат Международных литературных конкурсов

имени Андрея Платонова, Алексея Толстого,

Фёдора Тютчева, Андрея Белого и других.

Член Союза писателей России,

заслуженный работник культуры РФ.

